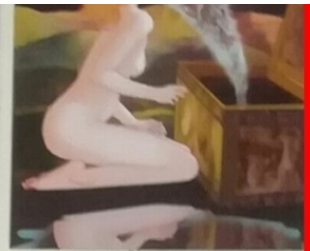

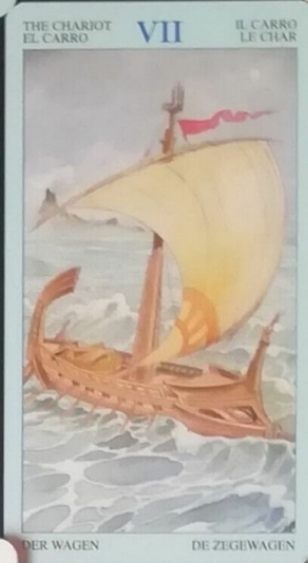
марга
рита

сосницка
я

Х

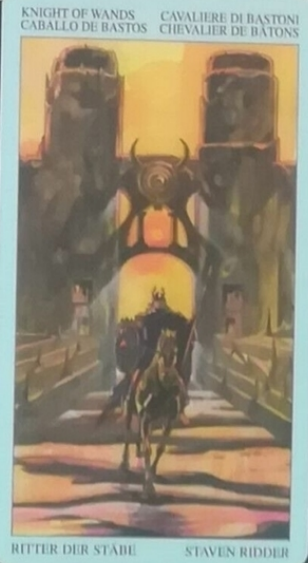
О

Д

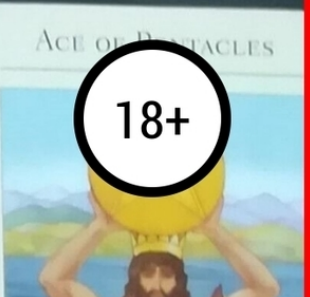
К
У
К
Л
О
Й

СНО
ВИД
ческая

ПО
ВЕСТЬ

18+

Маргарита Сосницкая

Ход куклой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сосницкая М. С.

Ход куклой / М. С. Сосницкая — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В повести «Ход куклой» оживают и становятся героями карты Таро, ведь они получили капельку любви нитяной куклы. Таро – азбука человеческих типов и ситуаций. Каждый символы – это магнит для тех сил, которые он олицетворяет. Но и символ нуждается в людях, ибо каждое воображение даёт ему новое воплощение. Таро и символы обитают в тонком мире и способны повлиять на судьбу, как это произошло в случае Аудаши. А толчком для сюжета послужило старинное народное поверье. Тема Таро отслеживается и в классической литературе.

© Сосницкая М. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая	6
Весна запоздалая	6
Парад старков	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сновидческая повесть

Часть первая Ход куклой

Весна запоздалая

Солнце светило, как редкий бриллиант, – редкий, потому как почти конец мая, а его по сей день только в мечтах видали. Чуть ли не впервые за весну оно выглянуло во всей красе и заиграло лучами на росе, будто палочками на цимбалах цвета.

Аудаша, давно изнемогавшая в оковах зимнего гардероба, ударила в ладоши и вскричала:

– А облачусь-ка я в свои шелка! – и тут же со вздохом облегчения облачилась в лёгкое длинное платье в белых яблонях, такой же шарф повязала на шею, защёлкнула наручником на запястье золотые часики из сундучка матери мамы – тик-так-ток-щёлк замок, – сжала в кулаке янтарный с насечкой водоворота набалдашник черной трости и отправилась прогуляться по улицам города, слиться с Весной запоздалой. Дворцы и особняки стояли вдоль них, как памятники минувших тысячелетий, солнце ретушировало их стены позолотой, а кроны деревьев за оградами дворов – изумрудом. Окна улавливали солнечных посланников – лучи и рассылали их свет во всех преломлениях, особенно в окна полуподвалов, наполовину ушедших в землю – те так и вовсе излучали ровный белый огонь. И вдруг здания, деревья померкли, окна погасли, солнце будто сунули в мешок из грубой растрепанной мешковины, сквозь её прорехи ещё пробивались лучи, но их быстро заволокло тучей, подул, поднялся на дыбы резкий ветер, погнал перед собой листья, обрывки газет, стаченную где-то простыню, белые шелковые чулки и согнутых пополам людей, дерзнувших идти против него. Аудашу отнесло к стене дома, трость разбилась надвое, нижнюю часть унесло, а на верхнюю, с набалдашником, её швырнуло, как на игрушечную лошадку, и понесло вдоль домов, через выгнутую, горбатую площадь с вогнанной в нее по пояс крепостной стеной, а затем вдоль улицы. Деревья будто кто-то хватал за волосы крон и заставлял кланяться Земле, они гнулись, метались, будто обезумевшие от горя, накренившись, переворачивались корнями вверх, кроной вниз, походя на песочные часы. Аудашу – белое облако на обломке трости с янтарным набалдашником – Ветер отпустил в нише полуподвального окна и, прихватив с собой на откуп шарф, понесся дальше.

От окна исходил свет. Аудаша припала к мутному стеклу.

Посредине огромного будуара с красивыми мраморными полами, выложенными коричневыми геометрическими фигурами с кругом по центру и расходящимися от него лучами, с ящерицей, выложенной из выцветшей мозаики, возвышалась софа, обтянутая многоцветным гобеленом, а на нём, пригорюнившись, сидела пышная кукла-крутка, сплетённая из красных и белых ниток. На плечи ей была наброшена накидка из ленты, на шее поблескивало монисто из хрустального бисера, желтые нитяные волосы скреплял такой же нитяный красный бантик, смешно торчащий на макушке. Порыв ветра резко распахнул дверь будуара, отбросив куклу к стене; хотя, может, сделал это не ветер, а огнящийся луч, золотой охрой упавший на мраморные плиты пола. Пламя луча стало оседать, рассасываться по полу, а в дверь одна за другой стали входить (Аудаша глазам своим не верила) красивые, живо писанные карты.

Парад старков

Первым шагнул **Маг** в красном плаще поверх белой рубахи с широкими кружевными манжетами, дирижируя себе волшебной, будто оркестровой, палочкой; в такт шагам он чеканил слова:

– Если ты не мог,
 значит, ты не маг,
А коль всё же мог,
 да малёк
 занемог
От бумаг, передряг
 и продрог,
То ты помни, маг...

И он был совершенно живой, эдакое голограммное изображение на плоскости воздуха, помещённого в светящуюся серебряную рамочку с единицей на нижней планке.

Следом за ним на троне с высокою спинкой, завершающейся по бокам двумя островерхими башнями, ехала верховная **Жрица**-ведунья. Трон тянули лебедь в небо, змея под камень, щука в воду; но при этом трон слаженно двигался. На голову Жрицы (Жизнь Рцы) был водружён убор: двурога луна или же двуххвостая сорока. В руках она держала свиток, на нём начертано *ТОРЬ*, на ногах мягкие туфельки с вишенками вместо бантиков.

А вот по золотой ниве, обрамленной темно-зелёным лесом, шествовала в свободном платье, с распущенными пшеничными волосами императрица – сама себе царица. Золотая корона была обвита венком из алых и белых роз. По краю платья (к глазам Аудаши будто кто-то поднёс увеличительное стекло, и она прочитала) – витиевато вышитая надпись: «Великое в малом. Less is more. Лес измор. Темным силам измор». И вся царица-императрица была озарена благословеньем, *Bless*, благодати, за ним и ходила *В лес*.

Голограммные карты двигались вокруг софы; Аудаша теперь хорошо различала то, что было выткано на зелёном гобелене, сначала бывшем обивкой, а теперь он застилал софу, свисая по краям: на фоне гор, с которых спадал водопад, перетекающий в реку, стоял замок, обнесённый зубчатой стеной. Вдалеке было видно кладбище, колокольня. Справа над ним светило Солнце, слева на него глядела трёхликая Луна, между ними перекинулся мост радуги, в вышине летали грифоны, орел, сова, крылатые лев, змей, бык (или это корова?). У въезда в него стояли две башни, под ними сидели две милovidные, ониксовая и алебастровая, сфинксии. Вокруг замка цвели цветы, подсолнухи, яблоня, паслись круторогий золотой козёл и белый козерог. И всё это было выткано яркими шёлковыми нитками, отражающими свет, отчего весь гобеленовый мир казался живым и трепетным. Кукла-крутка сидела в нем, как в раю. Во блаженстве. Её распирала чувства... Впрочем, какие чувства могут быть у куклы? Да ещё нитяной... Хрустальное монисто на шее поднималось до подбородка – неужели она вздыхала? От радости, печали?

На стене полуподвала во вспышке то ли памяти, то ли молнии, под раскат грома мелькнул образ русобрадного титана, увенчанного золотым меандром, державшим в кулаке пучок молний, а на плече – орла. Свободной рукой он схватился за голову, сжал виски, и из головы вылетела белая сова с хорошеньким дечоночьим личиком. «Доченька!» – простонал титан, и лик его на стене исчез. Капля дождя упала на щеку Аудаши.

Затем раздался топот копыт, ржание, земля затряслась так, что облако пыли с допотопной терракотовой штукатурки осыпалось Аудаше на лицо, смешалось с каплей и поползло по

щеке, как размытая тушь. Это скакал кентавр в трехъярусном шлеме, он поднялся на дыбы и остановился у входа в пещеру, в глубине которой в лаз проникал свет. Он поднял руку, расставив пальцы рогами вверх, и изрек:

– Иго-го-го! О, ваше нитейшество, кукла из клубка, Ляля лилейная! Я так одинок! *Vae soli!*¹

Зыбью по колоде прокатилось:

– Мы так одиноки!

Полуконь-полумуж оглянулся в пещеру:

– Мы все, **старшие арканы, младшие арканы**, то бишь **старки, младарки** – все мы одиноки. Но я среди них один – Повелитель императоров и королей. **Папа** всем. Я не могу ждать. Ты мне нужна сейчас.

Кукла-крутка, названная Лялей, валявшаяся отброшенной ветром к стенке, воспрянула, словно пилюлю бодрости проглотила, нитяная юбка на ней стала раздуваться, будто под ней распрямляли-Ляли-сь фижмы; пышные рукава надулись и затрепетали, она проследовала к софе, три карты сложились в три ступеньки, она взошла по ним на софу, будто на подмости, плаху, пьедестал, и остановилась посередине. Теперь стали различимы навязанные у неё по подолу и в косе жёлтые, синие, зелёные бабочки, бантики, бубончики, бубенчики.

Ляля остановилась на краю софы:

– То бишь иль не то бишь – вот в чем вопрос? – наклонилась, сломала с дерева у входа в пещеру ветку, сделала прутик, хлестнула им по земле и прыгнула на полуконя. – То бишь!

Полконь стал на дыбы, кукла с неожиданной ловкостью удержалась на его спине, и тот поскакал на свет.

Ровно через дважды два, согласно громко тикавшим часикам Аудаши, мгновения – тик-так-тук-ток – Ляля вышла через рубашку карты, обогнула её, сняла с головы шлем и небрежно бросила обратно в пещеру. Шлем загрохотал по камням, как пустая кастрюля.

Парад старков Таро продолжала сладкая парочка суженых, в раздумье стоящая на перепутье. Союз её (не путайте с порченным браком) заключает Ангел на небесах. Но Ангелы порой поют злыми голосами. То-то и застыла **возлюбленная пара** у развилки трех дорог, вслушиваясь в голоса. Любовь – дело субъективное, объективному анализу не поддается.

Суженые ничего, кроме друг дружки, вокруг, конечно, не видят, оттого их чуть с ног не сбивает боевая **Колесница**, парой коней запряженная, вороным и белым. Несётся на ней Воин Света в красном плаще, правит парой Добра и Зла, которые при всем их контрасте – вечный двигатель явного мира, вечное грядущего того, что не вечно под Луной. Кони оборачиваются в Лебеда и Ворона, везущими уже не Воина, а Луну и Солнце, и уносятся в эфир, растворяясь в нем.

Под колёса сего вечного двигателя чуть не попадает слепая дурочка **Фемида**; и мало того, что слепая, так еще и с завязанными глазами. А в руках у неё ко всему меч и весы. Что она там на них навзвешивала? Споткнувшись, взмахнула мечом вслепую, чуть голову **Отшельнику** не отмахнула.

У того, к счастью, в руке коса была – успел её мечу наперехлест подставить. Он ведь живет в диких местах, а там трава бывает по пояс, приходится косить, чтоб змеи не развелись. Отшельник отошел от вечности и сиюминутной суеты и представляет шагающее время во плоти. Разумеется, идущий одолеет путь. И всё пройдет. Все дороги кончаются в небе. Для тех, кто на земле. Как все реки впадают в моря или океаны.

Колесо Фортуны оторвалось от Колесницы или от прялки? Оно катится в уделе своей карты и крутится вокруг своей оси, в ступице его восемь спиц и пять ободов, на нём, как на подножке кареты, повисла лисица. Неведомы, неисповедимы пути Фортуны, вертуньи, воро-

¹ Горе одинокому (лат.)

том вертящей водоворот везенья, веретено выигрыша, ворот Фортуны мнимой слепой, зрящей всё третьим глазом. Но узор судьбы совершенен, прядут его три пряжи в черных накидках, усеянных поблескивающими звездами. И ничего никому просто так не даётся. Старк Колеса еще называют Градом пяти колец. Он возвышается на горе. Олимпе? Мило! Но высшая фортуна – выйти из-под колеса самсары и самому управлять им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.